

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Школьный вальс

Приближался Новый год. В последний учебный день перед новогодними каникулами должна была состояться школьная дискотека для девярых, десятых и одиннадцатых классов. Из двух одиннадцатых классов для оборудования актового зала звуком выбрали меня. После завершения всех уроков я должен был расставить звуковые колонки и подключить все это хозяйство к компьютеру. Со мной была наша русичка — Людмила Валерьевна, классный руководитель параллельного класса, у нее были ключи от зала, и она должна была закрыть его, когда я завершу работу. Это была женщина в возрасте 39 лет, с большой грудью и стройными ножками. Она выглядела отлично, до тех пор, пока не решила свои длинные, до середины спины, черные волосы, превратить в рыженькую шапочку. Ну, да и ладно, подумал я, когда это произошло. Хотя ее лицо заметно проиграло от этого — она стал выглядеть старше, но тело не потеряло привлекательности.

Сейчас она была одета в черный свитер, черные клешеные брюки, и черные остроносые туфли на высоком каблуке. Эти брюки мягко облегли ее ягодицы, и я не упустил возможности кинуть взгляд на них, когда Людмила (так называли ее ученики) поворачивалась ко мне спиной. Я видел, как резиночки ее трусиков делили каждую ягодичку пополам, и в моих штанах рос холмик возжеления. Дома, в своих эротических мечтах, я не раз стаскивал их зубами, и сбрасывал половое возбуждение самостоятельно. Видимо, сегодня мне предстояло то же самое. Я знал, что у нее так же есть сын, лет пяти или шести, однажды она даже приводила его в школу. Может быть, где-то на подсознательном уровне, я хотел получить уроки опытной наставницы?

Когда я закончил, и проверил звук, можно было идти домой.

— Ну, все... — сказал я.

— Вань, пойдем домой... — устало сказала русичка, и направилась к двери.

Я взял сумку и пошел за ней.

Мы вышли из кабинета. Людмила пошла по направлению к своему кабинету. Я, прежде чем спуститься с лестницы и оправиться домой, решил вдоволь насладиться зрелищем зрелых булочек своей любимой учительницы. Но, почему-то, она прошла мимо своего класса, и зашла в кабинет истории. Я посмотрел на фрамуги кабинета, выходящие в коридор — в кабинете горел свет.

Учитель истории, точнее учительница, была подругой нашей русички. Ирина Алексеевна — странная женщина. Когда я пошел в первый класс, она преподавала музыку, а в середине второго исчезла из виду. В шестом она вернулась в школу, став учителем истории, я совершенно не представлял себе, как можно так переквалифицироваться. Она сошлась с Людмилкой, и на больших переменах они часто ходили в гости друг к другу — обедать или пить чай. Пацаны из наших классов часто отпускали по этому поводу пошлые шуточки.

Внешне, во всяком случае, для меня, Иринка была привлекательна. Немного полновата, но не туша. Довольно большая грудь, полные икры и округлые ягодицы. Был период, когда она позволяла себе ходить на работу в прозрачной голубой блузке, и весь класс созерцал ее белый лифчик на полном теле и ее впалый пупок. Потом, когда дирекция школы начала борьбу с аморальным видом учащихся, видимо, по шапке надавали и ей. Больше ничего не привлекало в ней. Она была учителем-тираном, и не завидовал классу, у которого она была

классным руководителем.

И, когда Людмила Валерьевна скрылась в дверях кабинета истории, я почему-то не отправился в низ, собираться и идти домой, а пошел вслед за ней.

Я очень хотел, чтоб замочная скважина (двери-то советские еще) позволила мне хоть немного последить за ними. И мне очень хотелось, чтоб они там не чай пили. Я постарался идти бесшумно.

Я подошел к двери, присел на корточки, заглянул. Да, скважина позволяла увидеть пространство класса — мне повезло. Но то, что я увидел дальше, меня шокировало. Хотя, как шокировало... В общем-то, за этим я сюда и шел.

Они целовались, стоя рядом с учительским столом. Страстно, враспашку. Людмила держала историчку за ягодицы и сжимала их что есть силы. Та в ответ начала стаскивать с нее свитер. Я увидел сиреневый кружевной лифчик нашей русички. Потом она сама расстегнула и бросила его на пол.

Я лишь мельком смог разглядеть ее груди. Они немного свисали вниз — уже сказывался возраст, ее соски были темными, призывно манили к себе.

Рассказать кому — не поверит. Нет, шутить-то мы шутили все, я сам отпускал сальные реплики, от которых девушки краснели, не сходя с места. Но увидеть такое вживую... Я знал, что у Людмилы не было мужа — она жила с мамой и сыном, она иногда приоткрывала завесу своей жизни на уроках литературы, когда мы обсуждали жизненные проблемы, описанные в литературе. Как жила Иринка — не знал никто. Иногда я шутил, что муж сбежал от нее сразу после брачной ночи. Да, им явно не хватало секса. Но почему именно лесбос?

Я нащупал в кармане сотовый, приложил объектив фотокамеры к замочной скважине. Через видоискатель видно было плохо — всю площадь фотографии занимала само пространство дверного замка, и лишь в конце, как за туннелем, можно было разглядеть силуэты целующихся женщин. Предварительно отключив звук фотокамеры, я сделал несколько снимков, и убрал камеру.

Тем временем они продолжали ласкать друг друга. Ирина Алексеевна протянула руки к ширинке брюк русички, расстегнула ее, одним движением скинула их вниз. Я стал лицезреть ее белые трусики, которые так сладко перетягивали ее попку. Они пали следом.

Она отпрянула от Иринки, прошла к учительскому столу, поправила стул, и села на него, расставив ноги. Взору предстала промежность Людмилы Валерьевны. Это была покрытая волосами щель, которые густо росли у нее в паху. Меж ними блестела розовая вагина. Ирина Алексеевна, не снимая с себя свою черный брючный костюм и черную водолазку, встала перед ней на колени, и стала делать ей кунилёк, припав к ее изнывающему лону.

Мой член напрягся. Да что там напрягся! Периодически он начинал пульсировать от перенапряжения.

Честно признаться, такого не видел никогда. Вживую это смотрелось намного интереснее и захватывающе, чем на телеэкарне. Иногда я смотрел эротику по телевизору, ведь в те годы у меня еще не было интернета. Но это... превосходило в тысячи раз — настолько красивым было это зрелище.

Она ласкала ее долго, наверное, минут десять или пятнадцать. Мое дыхание становилось все более тяжелым, сердцебиение учащалось, грудь просто разрывало изнутри. Мой Эверест в штанах уже был не просто возбужден, он болел от напряжения. С эти что-то надо было делать. Срочно...

Я оглянулся по сторонам. Сейчас — половина восьмого вечера, в школе, кроме охранника на первом этаже — никого, не считая нас, конечно. За окнами темно, в коридоре тоже темно, свет только в одном из классов. И я решил сбросить напряжение прямо в коридоре — осознание того, что будет экстремальный, в сущности, способ, ведь вероятность того, что меня застукают, все же оставалась, возбуждала меня еще больше. Пускай я сейчас, заляпаю пол под дверью, — наверняка эти две сучки, найдя ее, предпочтут молчать о своих пристрастиях, чем искать виновного.

Я выпрямился, оперся рукой о стенку, оставаясь лицом к двери. Расстегнул ширинку, и, поддев трусы, вывернул свое хозяйство на воздух. Обхватил его рукой. О да... Какое же это блаженство... Почувствовав плоть, моему пенису сразу стало легче. Я стал медленно ласкать себя, совершая медленные возвратно-поступательные движения. Легкая нега разливалась по всему моему телу. Я увеличил темп, и поняв, что наступление оргазма неизбежно — сперма уже подступала к своей финальной черте, и еще больше ускорился.

Да!..

Еще немного...

— Что это такое!

Я развернулся всем телом в сторону реплики. В двух метрах от меня стояла Ирина Геннадиевна — учитель немецкого языка. Вот еще черт, что она тут забыла?

От неожиданности я стал кончать.

О Боже!..

Так, как тогда, я не кончал никогда в жизни. Как же мне было хорошо! Я выгнулся, подавшись тазом немного вперед, мои ягодицы сжались. Все тело перекосила дрожь, и сделал первый выстрел в сторону Ирины Геннадиевны. Это было божественно!

Вот и второй за ним, пробиваясь сладкой струей по мочеточнику моего пениса, добрался наружу, с блаженством вырываясь через отверстие в головке. Я, как мог, сдерживал произвольные стоны экстаза. На моем лице, я чувствовал это, была гримаса испуга, удивления и сладострастия.

Ирину Геннадиевну, видимо, это испугало. Она в ужасе распахнула глаза, и закрыла рот рукой. Она сделала движение телом, будто ее тошнило, но она не смогла сойти с места.

Вот и третья струя, уже немного слабее, чем первые две. Она доставила мне не меньше блаженства, чем предыдущие, и я понимал, что будет и еще — в моих недрах зрела следующая одна порция спермы.

«Немка» развернувшись, убежала от меня, цокая каблучками по деревянному полу коридора. Четвертая струя пискнула слабо, когда оргазм почти завершился. Я сцедил остатки на пол и заправил друга в штаны. Я испугался, что двери кабинета, в котором происходила эта лесбийская оргия, сейчас откроются, и буду застукан на месте «преступления». Я растер ногами пятно спермы на полу, прикинул: вроде похоже на сопли, и отправился вниз. На счастье, «немки» нигде не было. Я с облегчением оделся и отправился домой.

* * *

Урок алгебры, первый из сегодняшних уроков, начался уже давно, а учительница все еще не заходила в класс. Как всегда, одноклассники переговаривались на разные темы, а я молчал, вспоминая вчерашнее происшествие. Мне было страшно, и сердце бешено колотилось. Когда я шел в школу, я думал, что первый человек, которого я встречу в школе — Ирина Геннадиевна. Но, на удивление, я не встретил с утра «немки». Это меня радовало. Хотя... Я

был больше, чем уверен, что мой вчерашний онанизм и был причиной отсутствия нашей «классухи» — возможно, меня уже «разбирают» у директора. Без сомнений, что-то должно было произойти. Педагогический состав такой поступок просто так не оставит без внимания. И мои опасения подтвердились.

Когда Нина Андреевна, наша классная дама, вошла, она первым делом кинула свой взгляд на меня и сказала:

— Иван, пойдём!..

«Все отрицать» — мелькнула у меня в голове мысль.

Кабинет директора находился прямо напротив дверей нашего класса. Мы вошли, там уже находилась «немка», которая напугалась моего бесстыдного акта самоудовлетворения, завуч по воспитательной работе, Надежда Сергеевна и сама директриса, Татьяна Анатольевна. Мне указали на стул, но я еще не успел сесть, как Надежда Сергеевна начала разговор:

— Ну что, Ваня, может, психиатру тебя показать? Никогда бы не поверила! Один их самых успешных учеников параллели! А!

— Что?... Поче... — тихо попытался возразить я.

— А то! Рукоблудством заниматься — кто тебя этому научил? Да еще посреди коридора! Практически у всех на глазах!

— Чем, простите?

— Не прикидывайся, — возразила немка.

— Я ничего не могу понять. О чем речь?

Татьяна Анатольевна, сделав успокаивающий жест в сторону завуча и «немки», спокойно ответила:

— Иван, Ирина Геннадиевна утверждает, что вчера застала тебя на третьем этаже в коридоре, занимающимся онанизмом. Это правда?

— Чем? — я пытался изобразить недоумение, изобразив гримасу удивления на лице.

— Тем! Не прикидывайся, бесстыдник! — не унималась Ирина Геннадиевна — Может, тебе причинное место красным перцем намазать?

— Вань, это правда или нет? — спросила директриса.

Похоже, они собирались играть в плохую и злую училку. Лишь бы не проболтаться...

Я попытался изобразить непонимание, смешанное с обидой...

— Да что... Как?... Вы... Че за бред?

— Нет, ну вы посмотрите!

Татьяна Анатольевна, сняв очки, спокойно пыталась разъяснить ситуацию:

— Вань, понимаешь, все бы ничего. Если б ты сделал это в чулане, или в туалете, ну, в любом безлюдном месте — тебе бы ничего не было. Но тут... Делать это прилюдно — девианта, понимаешь... Мы, как педагоги, обязаны...

— Да не делал я ничего!

Воцарилось короткое молчание. Первым его нарушила директриса:

— Почему мы должны тебе верить?

— А почему вы должны верить ей? — и я пальцами указал на немку.

Это был хук. На самом деле, я играл ва-банк. Если уж здесь нет даже «русички» и «исторички», значит, они думают, что коридор был пустой. А, если не было свидетелей, значит слова «немки» бездоказательны. Но, и мои тоже — бездоказательны. Рассказывать о лесбийском сексе в кабинете истории я не собирался. Как отреагирует директриса на

однополую связь двух педагогов — неизвестно, но тогда бы я точно выдал себя. Ну, и потом мне еще предстояло экзамен по литературе сдавать.

Хотя... Сейчас я был близок к тому, чтобы закончить школу со справкой, да и еще будучи обвиненным в отклонении развития.

— Она — учитель, — парировала директриса.

— И все? Вы верите ей только потому, что она учитель?

Мне казалось, что я напрасно взываю их к справедливости суждений. В конце концов, все помнят фразу: «Звонок на перемену дается для учителя, а на урок — для ученика». Может, это предрассудки у учителей такие: все ученики — врут, даже если они отличники, учитель — всегда прав, и прочее... Ладно, я нашкодил... Но! Ведь они должны понимать, что нужно иметь доказательства, кто бы что не говорил.

Да и я сам тоже хорош. Устроил онанизм посреди белого дня в родной школе. Ради минутного удовольствия лишаюсь нормальной жизни — можно и так сказать. Чем я только думал?... Хотя — понятно чем...

— Смотри, — продолжала директриса, — вахтер видел тебя выходящим из школы около восьми вечера... Ирина Геннадиевна утверждает, что примерно в это же время застала тебя за актом рукоблудия.

— Ну да, около восьми я вышел из школы. Я настраивал аппаратуру в актовом... Людмила Валерьевна там была... Потом вернулся в кабинет русского, взял сумку и пошел.

Учителя переглянулись между собой...

— Людмила Валерьевна? — переспросила директриса.

— Да.

Опять молчание.

— И она была одна?

Я понял, что сейчас могу сболтнуть лишнего.

— Была... В смысле?... Где? В актовом? Ну, там же я еще был...

— Так, Ирина Геннадиевна, так где, вы говорите, увидели Ланьковского? — Татьяна Анатольевна произнесла мою фамилию.

— У кабинета истории.

Директриса утвердительно покачала головой. Немного помолчала.

— Ладно, Вань, иди, — сказала она, тяжело вздохнув.

Я вышел из кабинета директора и вздохнул. Пронесло или нет? И что они имели ввиду, когда расспрашивали про «русичку»? Видимо, тут было все неспроста, и я чего-то не знал.

В остальном же день проходил буднично, хотя и доставлял мне массу волнений по поводу моей собственной судьбы. О происшедшем практически никто не знал, и это радовало.

Однако же, проходя мимо директорского кабинета, я смог заметить, что Людмила Валерьевна вышла из него, и, прикрывая лицо рукой, не замечая меня, отправилась к себе в кабинет.

Мельком я успел заметить что «историчка» осталась в кабинете.

«Вот тебе новость...» — подумал я. Сегодня последний урок — литература, и не хватало мне еще встречи глазами с учительницей. Видимо, у нее был какой-то разговор с директором, и, судя по всему, разговор мог коснуться меня. Неужели, учителя что-то знали о тайной связи двух педагогов? Видимо, следующее полугодие для меня не будет простым. Жизнь усложнялась не по дням, а по часам...

Тем не менее, урок прошел буднично, я лишь в конце, когда все уже вышли из класса, и

собирались идти домой, я услышал:

— Ланьковский, задержишься!

Я обернулся.

— Закрой дверь.

Я выполнил просьбу, и мы остались с «русичкой» наедине. Сердце колотилось, мне опять стало не по себе. Похоже, «разборки» еще не закончились.

— Сядь здесь, — она показала мне на первую парту перед учительским столом.

Я опять повиновался.

Она села напротив меня, на свое место, и подперев лоб ладонью, замолчала. Я заметил лишь, что она смотрит на фотографию, лежащую под стеклом. На ней, искренне улыбаясь, и святясь счастьем, сидели, обнявшись, две женщины — учитель истории и учитель русского языка и литературы.

Она долго вглядывалась в фото. Глаза ее были полны печали, и в них я увидел какую-то странную грусть, какую я не видел нигде. Казалось, что я могу разглядеть каждую клеточку кожи ее лица, каждую миллиметр ее мягких красивых губ, родинку на ее щеке, и ее шею, которая казалась мне верхом изящества.

Что-то происходило со мной. Мне хотелось отрывать от нее взгляда. Мне было хорошо, но я не мог это связать с сексуальным вожделением. Мне просто нравилось на нее смотреть. И я бы хотел, чтоб это длилось как это можно дольше.

— Скажи мне, что ты видел?

Нега прервалась. Людмила Валерьевна смотрела прямо в глаза, она желала получить ответ.

— Что, простите? — я решил продолжить играть в дурачка. Хотя здесь это могло и не сработать, мы, в сущности, были на одной стороне баррикад.

— Ты стоял под дверью кабинета истории и занимался онанизмом вовсю. Что ты видел?

Я понял, что я покраснел. Просто кожей почувствовал, как лицо налилось багрянцем. Тут уже отпираться было бессмысленно.

И мы одни в кабинете... Как она поступит, когда я раскрою ей карты?

— Я видел все... — тихо выдавил я.

Она закрыла лицо руками. Мне показалось, что она заплакала, мне слышались всхлипы.

— Пошел вон!... — не отнимаю рук от лица сказала она.

Я взял сумку и вышел из кабинета. Да, жизнь не бывает легкой, когда рушишь ее собственными руками и половыми органами...

* * *

Два дня перед выходными прошли так же буднично, но в обстановке страха. Я пытался в коридоре не встречаться глазами ни с «историчкой», ни с «русичкой», хотя на уроке истории нам обоим пришлось покраснеть друг перед другом, когда я отвечал домашнее задание. «Классуха», директриса и завуч ограничивались обычным «Здрасте». Словом, все вели себя так, будто ничего не произошло. Фотографии, сделанные мной через замочную скважину, я удалил — теперь они были не нужны.

Но все это время образ Людмилы Валерьевны, расстроенной и плачущей, такой мягкой и женственной, не выходил у меня из головы. Все свободное время я вспоминал наш короткий разговор в классе, и понимал, что влюбляюсь. Что я мог с собой поделать? Моей первой любовью в жизни стала учительница русского языка. Это было глупо, но приятно.

И в тоже время мерзости этой ситуации прибавлял мой проклятый онанизм. Это была не

просто ложка, это была целая цистерна дегтя.

Но, тем временем, наступил понедельник — последний день перед новогодними каникулами, день сокращенных уроков и школьной дискотеки, для которой я настраивал аппаратуру.

Наряженная елка посередине, старшеклассницы в откровенных блузках, одноклассники, которые пытаются казаться брутальными, вино, распиваемое под лестницей — вот они, все атрибуты настоящей школьной дискотеки. Вино пить звали и меня, но я отказался. Сегодня я хотел быть трезвым — я желал признаться в любви своей любимой учительнице. Она, как классный руководитель параллельного класса, должна была присутствовать на дискотеке — следить за порядком и моралью поведения учеников. Другого момента у меня могло не быть, решил я. Все время я пытался поймать ее взгляд, но она будто чувствовала это, и я никак не мог взглянуть ей в глаза. Но, тем не менее, я не мог поступить иначе.

И, когда объявили «медляк», я рискнул.

Я подошел к ней. Сердце колотилось бешено, казалось, что все окружающие слышали, как бьется сердце, пытаюсь вырваться из груди.

— Людмила Валерьевна, я могу пригласить вас? — я протянул руку.

— Что? — она пыталась оглянуться, что бы поймать взгляд кого-то из учителей, пытаюсь найти подмогу, но стоящие рядом учителя были заняты какими-то разговорами. Они даже не заметили, как я к ней подошел.

Я повторил вопрос.

Признаться, я не ожидал такой ответной реакции. Она могла отказаться — ей это ничего не стоило. Да и кто захочет танцевать с эксгибиционистом. Того и гляди: выкинет очередной фортель.

Но она согласилась, видимо опасаясь разговоров за спиной. Но, быть может, у нее была другая причина.

И я повел ее.

Танцевали мы, честно сказать, на пионерском расстоянии. Да и за шею она не могла меня обнять, как это делали одноклассницы. Одна ее рука была у меня на плече, другую она вложила мне в ладонь и мы сделали «лодочку».

Это было верхом платонического наслаждения. Я пытался поймать каждый трепет ее тела, хотел угадать ее желания. Я думал, что мне удастся это. Она благоухала божественно — ее духи казались мне идеальными. Её стан — был станом богини.

Музыка играла столь громко, что мне приходилось говорить ей буквально в ухо. Я начал свой монолог:

— Людмила Валерьевна, вы должны меня выслушать, — она молчала, — Я должен попросить у вас прощения за свою мерзкую выходку, хотя не заслуживаю его. Но, если бы мне была дана возможность объясниться с вами...

— Не тяни, Иван...

— Людмила Валерьевна, я влюблен в Вас. Да, это звучит как-то глупо, возможно вы посчитаете меня извращенцем, или скажете, что я делаю это ради собственного оправдания. Но это действительно так. И, если бы вы дали мне хоть малейший шанс проявить свои чувства...

Она не дала мне договорить. Вырвавшись из моих рук, она выбежала из актового зала.

Я не знал что делать. Я вообще смутно представлял ее себе реакцию на мое признание. Но, вот я сделал это — а дальше? Что делать дальше?

И, особо не задумываясь, наблюдают за нами или нет, я вышел вслед за ней. Я видел, как закрылась дверь кабинета русского языка — значит, она у себя. Я ринулся в ее кабинет

Она сидела на полу сразу за дверью, и так же, как на прошлой неделе, закрыв лицо руками, тихо всхлипывала. Я опустил на колени перед ней и взял ее за плечи.

— Людмила Валерьевна, прошу Вас, не плачьте. Если причина вашего расстройства — во мне, вы только скажите! Скажите просто, что я могу сделать для вас? Я обещаю, как мужчина, что любое ваше желание будет для меня законом, даже если оно не будет исполнимо. Но и тогда я постараюсь исполнить его. Если бы только я мог что-то сделать, чтобы Вы перестали плакать сейчас... и всегда...

Она убрала руки от лица, и наши взгляды встретились. И какой у нее был взгляд!

Пристальный, такое ощущение, что она хотела разглядеть во мне что-то, чего я и сам не знал, и в тоже время, преисполненный страсти... Она схватила меня за лицо, и притянув к своему лицу, слилась своими губами с моим.

Я положился на инстинкты. Как мог, я отвечал на ее страстные движения губами и языком. Мы облизывали губы друг друга, покусывали их, облизывали языки и просто прикасались губами. Это было незабываемо и божественно, и я хотел, чтоб это продолжалось вечно.

Да разве мог я об этом мечтать! Я, человек, с несмываемым клеймом извращенца, нашкодивший до безобразия как шелудивый щенок, целовался сейчас со своей любимой учительницей, признавшись ей в любви, которая, по сути, должна была быть обречена.

Я не знаю, сколько прошло времени, но мы целовались, как мне показалось целую вечность. Потом она стала расстегивать на мне рубашку, и полностью расстегнув, сняла ее с меня, а затем, одним махом сняла с себя черную блузку и расстегнула бюстгальтер, представив мне свои великолепнейшие груди, с темными ареолами сосков. Повинуясь внутреннему наитию, я схватил их руками и прильнул к одному из сосков, на что Людмила (да позвольте мне теперь называть ее только по имени), отозвалась приглушенным стоном, и, схватив меня за голову, пустив пальцы в волосы, чуть слышно попросила:

— Прикуси...

Я сделал это, чуть-чуть коснувшись зубами ее мягкой ткани. Она выгнула спину, подав свою грудь на меня. Людмила сдерживала свои стоны, не давая себе воли, но некоторые вырывались из нее, и эти звуки были лучше музыки, которую я когда-либо слышал.

Потом я переместился на другую грудь, и так же, закусив ее, доставил ей фонтан удовольствия.

Тем временем, она потянулась к ширинке своих брюк, и, расстегнув ее, стала стягивать с себя штаны, вместе с колготками и трусиками. Я отвлекся от ее груди и помог, полностью обнажив учительницу.

Я стал покрывать поцелуями ее тело, пытаясь дарить наслаждение своими неумелыми ласками. Но она не дала мне закончить свое дело, и я так и не добрался до своей заветной цели. Людмила схватила меня за пряжку ремня, и, быстро с ней справившись, расстегнула и спустила с меня штаны.

Мой половой член к тому моменту стоял неистово, и был в самой настоящей боевой готовности.

— Возьми меня, — страстно взмолилась она, и раздвинула ноги.

Меня, уже и не надо было просить. Инстинкты сами говорили мне, что нужно было делать. Я вошел в нее, и задвигался, постоянно целуя ее в губы и шею, на что получал не менее

страстный ответ от ее блаженных губ.

Это незабываемое чувство: быть внутри любимой женщины, и дарить ей наслаждения, в то время, когда она выгибается под тобой. Я не чувствовал времени. () Я просто наслаждался моментом, каждой складочкой ее тела, дышал запахом ее кожи и парфюма, старался запомнить дивный вкус ее медовых, таких мягких, губ.

Момент экстаза приближался. Я чувствовал ее срывающееся дыхание, видел, как она закусывала губы, и выгибала спину. Но свой победный стон, стон истинного удовольствия и наслаждения, она утопила в поцелуе, слившись со мной, и став со мной практически одним целым. Я чувствовал, как сокращаются стенки ее вагины, как впиваются ее пальцы мне в спину, и с какой жадностью она прижимается к моему рту.

Я не отставал от нее. Я чувствовал, как в глубине меня зреет наслаждение, и как медленно оно подбирается к свободе, пока я двигался все быстрее. Наконец, выплеснув сок любви, я содрогнулся в конвульсиях удовольствия, и еще долго двигался по инерции, не до конца освободившись от пут страсти...

... Когда мы оделись, Людмила заявила:

— Тебе пора...

— Что? — переспросил я.

— Вань, домой тебе пора.

— Может, быть, мы договоримся, о нашей новой встрече? — с надеждой спросил я.

— Давай поговорим об этом после каникул, хорошо?

— Ну, давай, — я согласился.

На прощание она наградила меня страстным поцелуем в засос, и мы расстались. Я, не заходя обратно на дискотеку, пошел домой.

Но после каникул мы так и не встретились. «Рассчиталась» — таков был официальный ответ учительского состава нашей школы. Эта новость была для меня словно нож в сердце, но, тем не менее, мне пришлось ее как-то пережить. «Историчка», после ухода Людмилы проработала в нашей школе недолго — месяц, не более. Причины их расчета для меня были ясны, остальные не предавали этому большого значения, а большинство учеников после ухода нашей «исторички» вздохнули свободно.

Я не знал, где живет Людмила, как найти ее, а даже не представлял, как это можно узнать. Я отчетливо давал себе понять, что наш союз с нею, даже если бы и состоялся, то не имел успеха: слишком большая разница в возрасте, разный социальный статус и прочие предрассудки, которыми наделено наше общество, не позволяли быть нам вместе.

Но тем не менее, Людмила — это лучшая женщина, с которой я когда либо был.